

Три притчи

Первая притча

Выросла сорная трава на хорошем лугу. И, чтобы избавиться от нее, владельцы луга скашивали ее, а сорная трава от этого только умножалась. И вот добрый и мудрый хозяин посетил владельцев луга и в числе других поучений, которые он давал им, сказал и о том, что не надо косить сорную траву, так как она только больше расплодится от этого, а надо вырывать ее с корнем.

Но или потому, что владельцы луга не заметили в числе других предписаний доброго хозяина предписания о том, чтобы не косить сорной травы, а вырывать ее, или потому, что не поняли его, или потому, что по своим расчетам не хотели исполнить этого, но вышло так, что предписание о том, чтобы не косить сорной травы, а вырывать ее, не исполнялось, как будто его никогда и не было, и люди продолжали косить сорную траву и размножать ее. И хотя в последующие года и бывали люди, которые напоминали владельцам луга предписание доброго и мудрого хозяина, но их не слушали и продолжали поступать по-прежнему, так что скашивать сорную траву, как только она показывалась, сделалось не только обыкновением, но даже священным преданием, и луг все больше и больше засорялся. И дошло дело до того, что в лугу стали одни сорные травы, и люди плакались на это и придумывали всякие средства для поправления дела, но не употребляли только одного того, которое давно уже было предложено им добрым и мудрым хозяином. И вот случилось в последнее время одному человеку, видевшему то жалкое положение, в котором находился луг, и нашедшему в забытых предписаниях хозяина правило о том, чтобы не косить сорную траву, а вырывать ее с корнем, — случилось этому человеку напомнить владельцам луга о том, что они поступали неразумно и что неразумие это уже давно указано было добрым и мудрым хозяином.

И что же? Вместо того чтобы проверить справедливость напоминания этого человека и в случае верности его перестать косить сорную траву или в случае неверности его доказать ему несправедливость его напоминания или признать предписания доброго и мудрого хозяина неосновательными и для себя необязательными, владельцы луга не сделали ни того, ни другого, ни третьего, а обиделись на напоминание того человека и стали бранить его. Они называли его безумным гордецом, вообразившим себе, что он один из всех понял предписание хозяина, другие злостным лжетолкователем и клеветником, третьи, забыв о том, что он говорил не свое, но напоминал только предписания почитаемого всеми мудрого хозяина, называли его зловредным человеком, желающим развести дурную траву и лишить людей их луга. «Он говорит, что не надо косить траву, а если мы не будем уничтожать траву,— говорили они, нарочно умалчивая о том, что человек говорил не о том, что не надо уничтожать сорную траву, а о том, что

надо не косить, а вырывать ее,— то сорная трава разрастется и уже совсем погубит наш луг. И зачем нам тогда дан луг, если мы должны воспитывать в нем сорную траву?» И мнение о том, что человек этот или безумец, или лжеистолкователь, или имеет целью вред людей, до такой степени утвердилось, что его все бранили и все смеялись над ним. И сколько ни разъяснял этот человек, что он не только не желает разводить сорную траву, но, напротив, считает, что в уничтожении дурной травы состоит одно из главных занятий земледельца, как и понимал это добрый и мудрый хозяин, слова которого он только напоминает,— сколько он ни говорил этого, его не слушали, потому что окончательно решено было, что человек этот или безумный гордец, превратно толкующий слова мудрого и доброго хозяина, или злодей, призывающий Людей не к уничтожению сорных трав, а к защите и возвращению их.

То же самое случилось со мной, когда я указал на предписание евангельского учения о непротивлении злу насилием. Правило это было проповедано Христом и после него во все времена и всеми его истинными учениками. Но потому ли, что они не заметили этого правила, или потому, что они не поняли его, или потому, что исполнение этого правила показалось им слишком трудным,— чем дальше проходило времени, тем более забывалось это правило, тем более и более удалялся склад жизни людей от этого правила, и наконец дошло дело до того, до чего дошло теперь,— до того, что правило это уже стало казаться людям чем-то новым, неслыханным, странным и даже безумным. И со мною случилось то же самое, что случилось с тем человеком, который указал людям на давнишнее предписание доброго и мудрого хозяина о том, что сорную траву не надо косить, а надовырывать с корнем.

Как владельцы луга, умышленно умолчав о том, что совет состоял не в том, чтобы не уничтожать дурную траву, а в том, чтобы уничтожать ее разумным образом, сказали: не будем слушать этого человека — он безумец, он велит не косить дурных трав, а велит разводить их,— так и на мои слова о том, что, для того чтобы по учению Христа уничтожить зло, надо не противиться ему насилием, а с корнем уничтожать его любовью, сказали: не будем слушать его, он безумец: он советует не противиться злу, для того чтобы зло задавило нас.

Я говорил, что по учению Христа зло не может быть искоренено злом, что всякое противление злу насилием только увеличивает зло, что по учению Христа зло искореняется добром: «благословляйте проклинающих вас, молитесь за обижающих вас, творите добро ненавидящим вас, любите врагов ваших, и не будет у вас врага» [Учение XII апостолов. (Прим. Д. Н. Толстого.)]. Я говорил, что по учению Христа вся жизнь человека есть борьба со злом, противление злу разумом и любовью, но что из всех средств противления злу Христос исключает одно неразумное средство противления злу насилием, состоящее в том, чтобы бороться со злом злом же.

И эти слова мои были поняты так, что я говорю, будто Христос учил тому, что не надо противиться злу. И все те, чья жизнь построена на насилии и кому поэтому дорого насилие, охотно приняли такое перетолкование моих слов и вместе с ним и слов Христа, и было признано, что учение о непротивлении злу есть учение неверное, нелепое, безбожное и зловерное. И люди спокойно продолжают под видом уничтожения зла

производить и увеличивать его.

Вторая притча

Торговали люди мукою, маслом, молоком и всякими съестными припасами. И один перед другим, желая получить побольше барышей и поскорее разбогатеть, стали эти люди все больше и больше подмешивать разных дешевых и вредных примесей в свои товары; в муку сыпали отруби и известку, в масло пускали маргарин, в молоко — воду и мел. И до тех пор, пока товары эти не доходили до потребителей, все шло хорошо: оптовые торговцы продавали розничным и розничные продавали мелочным.

Много было амбаров, лавок, и торговля, казалось, шла очень успешно. И купцы были довольны. Но городским потребителям, тем, которые не производили сами своего продовольствия и потому должны были покупать его, было очень неприятно и вредно.

Мука была дурная, дурное было и масло и молоко, но так как на рынках в городах не было других, кроме подмешанных товаров, то городские потребители продолжали брать эти товары и в дурном вкусе их и в своем нездоровье обвиняли себя и дурное приготовление пищи, а купцы продолжали всё в большем и большем количестве подмешивать посторонние дешевые вещества к съестным припасам.

Так продолжалось довольно долго; городские жители все страдали, и никто не решался высказать своего недовольства.

И случилось одной хозяйке, всегда питавшейся и кормившей свою семью домашними припасами, приехать в город. Хозяйка эта всю свою жизнь занималась приготовлением пищи и хотя и не была знаменитой поварихой, по хорошо умела печь хлеба и вкусно варить обеды.

Купила эта хозяйка в городе припасов и стала печь и варить. Хлебы не выпеклись, а развалились. Лепешки на маргариновом масле оказались невкусными. Поставила хозяйка молоко, сливки не настоялись. Хозяйка тотчас же догадалась, что припасы нехороши. Она осмотрела их, и ее догадка подтвердилась: в муке она нашла известку, в масле — маргарин, в молоке — мел. Увидав, что все припасы обманные, хозяйка пошла на базар и стала громко обличать купцов и требовать от них или того, чтобы они держали в своих лавках хорошие, питательные, непорченные товары, или чтобы перестали торговать и закрыли свои лавочки. Но купцы не обратили никакого внимания на хозяйку и сказали ей, что товары у них первый сорт, что весь город уже сколько лет покупает у них и что они даже имеют медали, и показали ей медали на вывесках. Но хозяйка не унялась.

— Мне не медали нужно,— сказала она,— а здоровая пища, такая, чтобы у меня и у детей от нее животы не болели.

— Верно, ты, матушка, и муки и масла настоящего и не видала,— сказали ей купцы, указывая на засыпанную в лакированные закрома белую на вид, чистую муку, на желтое

подобие масла, лежащее в красивых чашках, и на белую жидкость в блестящих прозрачных сосудах,

— Нельзя мне не знать,— отвечала хозяйка,— потому что я всю жизнь только то и делала, что сама готовила и ела вместе с детьми. Товары ваши порченые. Вот вам доказательство,— говорила она, показывая на испорченный хлеб, маргарин в лепешках и отстой в молоке. — Ваши товары надо все в реку бросить или сжечь и вместо их завести хорошие! — И хозяйка не переставая, стоя перед лавками, кричала все одно подходившим покупателям, и покупатели начинали смущаться.

Тогда, видя, что эта дерзкая хозяйка может повредить их торговле, купцы сказали покупателям:

— Вот посмотрите, господа, какая шальная эта баба. Она хочет людей с голоду уморить. Велит все съестные припасы потопить или сжечь. Что же вы будете есть, коли мы ее послушаемся и не будем продавать вам пищи? Не слушайте ее: она— грубая деревенщина и не знает толка в припасах, а нападает на нас только из зависти. Она бедна и хочет, чтобы и все были так же бедны, как она.

Так говорили купцы собравшейся толпе, нарочно умалчивая о том, что женщина хочет не уничтожать припасы, а дурные заменить хорошими.

И тогда толпа напала на женщину и начала ругать ее, И сколько женщина ни уверяла всех, что она не уничтожить хочет съестные припасы, что она, напротив, всю жизнь только тем и занималась, что кормила и сама кормилась, но что она хочет только того, чтобы те люди, которые берут на себя продовольствие людей, не отравляли их вредными веществами под видом пищи; но сколько она ни говорила и что она ни говорила, ее не слушали, потому что было решено, что она хочет лишить людей необходимой для них пищи.

То же случилось со мной по отношению к науке и искусству нашего времени. Я всю жизнь питался этой пищей и — хорошо ли, дурно — старался и других, кого мог, питать ею. И так как это для меня пища, а не предмет торговли или роскоши, то я несомненно знаю, когда пища есть пища и когда только подобна ей. И вот, когда я попробовал той пищи, которая стала продаваться в наше время на умственном базаре под видом науки и искусства, и попробовал питать ею любимых людей, я увидел, что большая часть этой пищи не настоящая. И когда я сказал, что та наука и то искусство, которыми торгуют на умственном базаре, маргариновые или, по крайней мере, с большими подмесьями чуждых истинной науке и истинному искусству веществ и что знаю я это, потому что купленные мною на умственном базаре продукты оказались неудобосъедаемыми ни для меня, ни для близких мне людей, не только неудобосъедаемыми, но прямо вредными, то на меня стали кричать и ухать и внушать мне, что это происходит оттого, что я не учен и не умею обращаться с такими высокими предметами. Когда же я стал доказывать то, что сами торговцы этим умственным товаром обличают беспрестанно друг друга в обмане; когда я напомнил то, что во все времена под именем науки и искусства предлагалось людям много вредного и плохого и что потому и в наше время предстоит та же опасность, что

дело это не шуточное, что отравы духовная во много раз опаснее отравы телесной и что поэтому надо с величайшим вниманием исследовать те духовные продукты, которые предлагаются нам в виде пищи, и старательно откидывать все поддельное и вредное, — когда я стал говорить это, никто, никто, ни один человек ни в одной статье или книге не возразил мне на эти доводы, а изо всех лавок закричали, как на ту женщину: «Он безумец! он хочет уничтожить науку и искусство, то, чем мы живем. Бойтесь его и не слушайте! Пожалуйте к нам, к нам! У нас самый последний заграничный товар».

Третья притча

Шли путники. И случилось им сбиться с дороги, так что приходилось идти уже не по ровному месту, а по болоту, кустам, колючкам и валежнику, загоразживавшим им путь, и двигаться становилось все тяжелее и тяжелее.

Тогда путники разделились на две партии: одна решила не останавливаясь идти все прямо по тому направлению, по которому она шла сейчас, уверяя себя и других в том, что они не сбились с настоящего направления и все-таки придут к цели путешествия; другая партия решила, что так как направление, по которому они идут теперь, очевидно неверное, — иначе они бы уже пришли к цели путешествия, — то надо искать дорогу, а для того, чтобы отыскать ее, нужно не останавливаясь двигаться как можно быстрее во всех направлениях. Все путники разделились между этими двумя мнениями: одни решили идти все прямо, другие решили ходить по всем направлениям, но нашелся один человек, который, не согласившись ни с тем, ни с другим мнением, сказал, что, прежде чем идти по тому направлению, по которому уже шли, или начать двигаться быстро по всем направлениям, надеясь, что мы этим способом найдем настоящее, нужно, прежде всего, остановиться и обдумать свое положение и потом уже, обдумав его, предпринять то или другое. Но путники были так возбуждены движением, были так испуганы своим положением, так хотелось им утешать себя надеждой на то, что они не заблудились, а только на короткое время сбились с дороги и сейчас опять найдут ее, так, главное, им хотелось движением заглушить свой страх, что мнение это встречено было всеобщим негодованием, упреками и насмешками людей как первого, так и второго направления.

— Это совет слабости, трусости, лени, — говорили одни.

— Хорошо средство дойти до цели путешествия, состоящее в том, чтобы сидеть на месте и не двигаться! — говорили другие.

— На то мы люди и на то нам даны силы, чтобы бороться и трудиться, побеждая препятствия, а не малодушно покоряться им, — говорили третьи.

И сколько ни говорил отделившийся от большинства человек о том, что, двигаясь по ложному направлению, не изменяя его, мы наверное не приближаемся, а удаляемся от своей цели, и что точно так же мы не достигнем цели, если будем метаться из стороны в сторону, что единственное средство достигнуть цели состоит в том, чтобы, сообразив по солнцу или по звездам, какое направление приведет нас к нашей цели, и избрав его, идти по нем, но что для того, чтобы это сделать, нужно прежде всего остановиться,

остановиться не затем, чтобы стоять, а затем, чтобы найти настоящий путь и потом уже неуклонно идти по нем, и что для того и для другого нужно первое остановиться и опомниться,— сколько он ни говорил этого, его не слушали.

И первая часть путников пошла вперед по направлению, по которому она шла, вторая же часть стала метаться из стороны в сторону, но ни та, ни другая но только не приблизилась к цели, но и не выбралась из кустов и колючек и блуждает до сих пор.

Точь-в-точь то же самое случилось со мной, когда я попытался высказать сомнение в том, что путь, по которому мы забрели в темный лес рабочего вопроса и в засасывающее нас болото не могущих иметь конца вооружений народов, есть не вполне тот путь, по которому нам надо идти, что очень может быть, что мы сбились с дороги, и что поэтому не остановиться ли нам на время о том движении, которое очевидно ложно, не сообразить ли прежде всего по тем общим и вечным началам истины, открытой нам, по тому ли направлению мы идем, по которому намеревались идти? Никто не ответил на этот вопрос, ни одни не сказал: мы не ошиблись в направлении и не блуждаем, мы в этом уверены потому-то и потому-то. Ни один человек не сказал и того, что, может быть, и точно мы ошиблись, но что у нас есть средство несомненное, не прекращая нашего движения, поправить нашу ошибку. Никто не сказал ни того, ни другого. А все рассердились, обиделись и поспешили заглушить дружным говором мой одиночный голос. «Мы и так ленивы и отсталы. А тут проповедь лени, праздности, неделания!» Некоторые прибавили даже: ничегонеделания. «Не слушайте его,— вперед за нами!» — закричали как те, которые считают, что спасение в том, чтобы, не изменяя его, идти по раз избранному направлению, какое бы оно ни было, так и те, которые считают, что спасение в том, чтобы метаться по всем направлениям.

— Что стоять? Что думать? Скорее вперед! Все само собой сделается!

Люди сбились с пути и страдают от этого. Казалось бы, первое и главное усилие энергии, которое следует сделать, должно бы быть направлено не на усиление того движения, которое завлекло нас в то ложное положение, в котором мы находимся, а на остановку его. Казалось бы, ясно то, что, только остановившись, мы можем хоть сколько-нибудь понять свое положение и найти то направление, в котором мы должны идти, для того чтобы прийти к истинному благу не одного человека, не одного разряда людей, а истинному общему благу человечества, к которому стремятся все люди и отдельно каждое сердцечеловеческое. И что же? Люди придумывают все возможное, но только не то одно, что может спасти, и если и не спасти их, то хотя облегчить их положение, именно то, чтобы хоть на минуту остановиться и не продолжать усиливать своей ложной деятельностью свои бедствия. Люди чувствуют бедственность своего положения и делают все возможное для избавления себя от него, но только того одного, что наверное облегчит их положение, они ни за что не хотят сделать, и совет сделать это больше всего раздражает их.

Если бы можно было еще сомневаться в том, что мы заблудились, то это отношение к совету одуматься очевиднее всего доказывает, как безнадежно мы заблудились и как велико наше отчаяние.

Три притчи

Автор: admin

24.04.2008 13:19 -
